

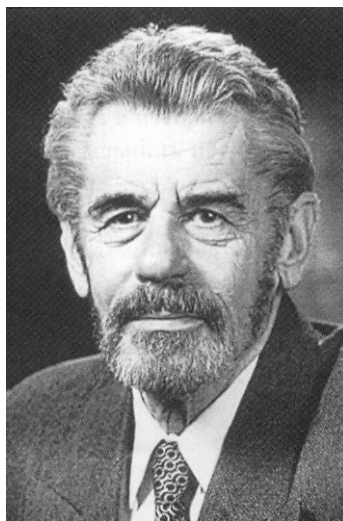
*Анатолий Лысков
(Калининград)*

ДОМ ПРОФЕССОРА Н. А. АРСЕНЬЕВА

Далеко от Центрального парка культуры в Калининграде есть тихая зеленая застроенная небольшими коттеджами улица, носящая имя В. Чапаева (почему Чапаева, объяснить, пожалуй, можно только своеобразной «чапаевской атакой» на старые, еще немецкие, названия улиц — раньше она называлась Regentenstrasse). Свернув с проспекта Мира, можно увидеть дом (№ 3, второй слева), мало примечательный в архитектурном плане, но в чем-то еще сохранивший свой былой кёнигсбергский облик (в послевоенные годы вместо характерного для немецкой архитектуры островерхого черепичного конька с мансардой здесь появился третий этаж). Когда-то это был достаточно известный многим горожанам «уважаемый дом» в Кёнигсберге. Второй его этаж на протяжении более десяти лет (с 1933 по 1944 год) занимала семья профессора Альбертины (и некоторое время руководителя православной общины Кёнигсберга) Николая Сергеевича Арсеньева. Помимо ближайших родственников — постоянных обитателей дома — здесь можно было встретить покинувших свою родину (добровольно, принудительно или же «добровольно-принудительно») русских соотечественников, и потому дом был известен в Кёнигсберге и как «русский дом».

Николай Сергеевич Арсеньев

Имя Николая Сергеевича Арсеньева — видного ученого, религиозного мыслителя, философа, культуролога и историка русского культурного развития, а также литературоведа, поэта и переводчика —

достаточно хорошо известно в писательских и философских кругах русского зарубежья. Он автор многочисленных книг, очерков и статей по истории культуры, религии, литературы Античности, Средних веков, эпохи Возрождения и современности, а также по истории русской культуры, национальных особенностей «русского духа», культурной традиции и «насильственных разрывов» в ней. Н. С. Арсеньев обладал поистине энциклопедическими знаниями. Он выступал с лекциями, докладами, сообщениями в университетских городах Европы — Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Париже, Берлине, Варшаве, Франкфурте-на-Майне, Берне и др. Многие из его работ были написаны (либо представлены переводами) на немецком, французском, английском, польском языках. Но справедливо замечено: лингвистическое разнообразие его исследований (а Арсеньев владел 12 языками) отражает не только эрудицию, научную культуру и талант автора, но и трудную судьбу русского человека XX столетия, вынужденного покинуть свою родину и испытать участь «странника на чужбине».

Николая Сергеевича Арсеньева называют в ряду выдающихся деятелей русской религиозно-философской мысли. Но по разным политическим и идеологическим причинам творческое наследие русского религиозного мыслителя и литературоведа долгое время было труднодоступно, а его имя оставалось малоизвестным на родине. И лишь в последние годы оно явилось нам из искусственно созданного «небытия».

Как сообщал главный философский журнал современной России, важным событием в жизни российского философского сообщества стал выход в свет четырехтомной «Новой философской энциклопедии». На общественной презентации этого издания в качестве одного из его достоинств отмечалось, что авторы и издатели «разнообразно представили русскую философскую традицию, уйдя от старой крайности, когда искажалась, игнорировалась русская религиозная философия...» [5, с. 15] «Кардинальнейшим образом был изменен словник по истории русской философии: существенно расширен состав персоналий», и среди новых имен — имя замечательного русского религиозного мыслителя Николая Сергеевича Арсеньева [6, с. 7].

Николай Сергеевич Арсеньев родился в Стокгольме в 1888 году в семье русского дипломата, 36 лет проработавшего на этом поприще (его отец был тогда российским генеральным консулом в Швеции). Но детство и юность будущего мыслителя прошли в России. Годы учебы в гимназии и университете Николай Арсеньев провел в Москве, на Садовой, в доме своего деда — действительного тайного советника Василия Сергеевича Арсеньева (1829—1915).

Семья Арсеньевых принадлежала к древнему русскому роду, который вел свое начало еще с первых столетий Московского государства. Из генеалогических записей можно узнать, что в 1389 году знатный татарин из Золотой Орды по имени Аслан-Мурза-Челибей выехал из Орды с 300 татарами ко двору великого князя Дмитрия Донского и, пожелав принять святое крещение, стал православным христианином. Крещеный татарин Аслан-Мурза женился на Марье, дочери стольника Зотика Житова. Один из его пяти сыновей, Арсений, стал родоначальником дворян Арсеньевых. Род был внесен в 6-ю часть дворянских родословных книг Тульской, Московской, Смоленской, Тверской, Орловской, Владимирской, Курской, Самарской и Рязанской губерний.

Один из предков Н. С. Арсеньева — Николай Дмитриевич Арсеньев (1754—1796), боевой генерал, сподвижник Суворова и начальник его штаба, умерший от ран, полученных еще при взятии Измаила, — был воспет Байроном в поэме «Дон Жуан». Юрий Васильевич Арсеньев — брат отца, дядя Николая Сергеевича — хранитель Московской оружейной палаты, известный археолог-историк и генеалог. Другой брат отца — Иван Васильевич Арсеньев — доктор богословия, настоятель храма Христа Спасителя в Москве. К воспроизведению генеалогического древа рода Арсеньевых можно было бы добавить еще много имен, оставивших свой след в российской истории: так, бабушка великого поэта М. Ю. Лермонтова, урожденная Столыпина, была по мужу Арсеньевой.

Арсеньевы славились своими богатыми духовными традициями, свято хранили память о прошлом и «заветы предков». Причастность к России, ее истории была как бы генетически задана будущему ее изгнаннику и патриоту. И совсем неудивительно, что интерес к русской истории, русской культуре зародился у религиозного мыслителя и поэта уже в раннем детстве.

До и после двух революций

В 1910 году Н. С. Арсеньев окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1910—1912 годах для подготовки к профессорскому званию он слушал лекции в университетах Мюнхена, Фрейбурга и Берлина, сдал магистерские экзамены и в 1914 году был избран доцентом Московского университета.

В том же 1914 году под влиянием патриотических чувств Н. С. Арсеньев пытался пойти добровольцем на фронт, однако не был принят на военную службу из-за плохого зрения. И все же с сентября 1914-го

по сентябрь 1916 года он находился на северо-западном фронте — сначала в качестве помощника уполномоченного, а затем и уполномоченного Красного Креста.

В сентябре 1916 года курсом «Мистическая поэзия Средних веков» Н. С. Арсеньев возобновил свою педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Московского университета. Специальные курсы по культуре и литературе Средних веков и эпохи Возрождения одновременно читались им на Московских Высших женских курсах и в Московском Народном университете им. А. Шанявского. Будучи близок правому крылу «октябристов», он с энтузиазмом встретил Февральскую революцию, поддерживал Временное правительство и отдал дань политической публицистике («О нашем Временном правительстве, о свободе и порядке и защите родины», 1917). Но «большевистскую революцию» и становящуюся Советскую власть принять он, естественно, не смог. У нас нет достаточных данных для того, чтобы хоть как-то воспроизвести хронику жизни Н.С Арсеньева этого времени. Известно только, что после Октябрьской революции 1917 года он некоторое время был в Ростове-на-Дону.

Как рассказывает известный русский писатель Борис Зайцев (в дальнейшем, подобно многим другим видным деятелям русской философии, науки и культуры, разделивший горькую участь жизни в эмиграции), «в новом, "волшебном" мире мы все-таки жили, копошились, даже писали кое-что, даже Союз писателей в Москве был у нас без коммунистов! Карабкаясь, кое-как цепляясь, стараясь пребывать независимыми, продолжали путь. <...> В Харькове задержали Ильина, Арсеньева и французского профессора Мазона. Союз хлопотал об освобождении их...» [3, с. 18].

Приведем фрагмент из книги Бориса Зайцева «Улица Святого Николая».

«Однажды вышел случай, что из нашего Союза арестовали двоих членов. Правление послало меня к Каменеву хлопотать. Он считался "либеральным сановником" и даже закрыл на третьем номере "Вестник" Чека за открытый призыв к пыткам на допросах.

...Какие-то дамы, торговцы, приезжие из провинции "товарищи" ждали приема. Пришлось и мне подождать. Потом провели в большой светлый кабинет. Спиной к окнам, за столом сидел бывший молодой человек из Марьиной рощи (Зайцев был знаком с Каменевым в их общие юношеские годы. — А. Л.), сильно пополневший, в пенсне, довольно кудлатый, более похожий сейчас на благополучного московского адвоката. Он курил. Увидев меня, привстал, любезно поздоровался.

...Мы вспомнили нашу встречу. Каменев держался приветливо-небрежно, покровительственно, но вполне прилично.

— Как их фамилии? — спросил он об арестованных.

Я назвал. Он стал водить пальцем по каким-то спискам.

— А за что?

— Насколько знаю, ни за что.

— Посмотрим, посмотрим...

Раздался звонок по телефону. Грузно, несколько устало сидя, поджимая под себя ноги — видимо лениво.

— А? Феликс? Да, да, буду. Насчет чего? Нет, приговор не приводить в исполнение. Буду непременно.

Положив трубку, обратился ко мне:

— Если действительно не виноваты, то отпустим.

Мне повезло, Арсеньева и Ильина удалось на этот раз выудить» [4, с. 360–361].

«В те годы, — замечает писатель, — любое путешествие превращалось в крайне опасное предприятие, так как именно тогда человек представлял из себя, как правило, гораздо более непредсказуемую и разрушительную стихию, чем, например, природные катаклизмы...» Харьков был, по всей видимости, лишь промежуточной станцией до Ростова-на-Дону. Юг России и Северный Кавказ были в числе наиболее крупных очагов антибольшевистского движения. Под руководством генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова начала формироваться офицерская Добровольческая армия, которая стала основой «белого движения». После гибели Л. Г. Корнилова командование армией принял генерал А. И. Деникин. В Особом совещании в Ростове-на-Дону участвовали многие представители интеллигенции, не разделявшие идеи новой Советской власти. В своих воспоминаниях о П. Б. Струве С. Л. Франк пишет: «Позднее я узнал, что в конце 1917 года он (Струве. — А. Л.) был в Ростове, участвуя в Совете Добровольческой армии, и после оставления армией Ростова вернулся вместе с кн. Г. Н. Трубецким и Н. С. Арсеньевым на лошадях в Москву (февраль 1918 года)» [8, с. 489].

Саратов

В 1918 году Н. С. Арсеньев был избран профессором созданного еще Временным правительством Саратовского университета, где деканом историко-философского факультета был С. Л. Франк. Работая на кафедре романо-германской филологии, Н. С. Арсеньев читал несколько курсов по философии и истории русской и европейской культуры. Итогом его непродолжительной деятельности было создание кафедры сравнительной истории религий (которая, однако, уже в

1920 году была закрыта). Секретный документ органов новой власти, разосланный в различные учреждения, призывал «следить за антисоветскими высказываниями и заявлениями в лекциях профессоров и сообщать о них в соответствующие инстанции». В 1919 году Н. С. Арсеньев был дважды арестован, содержался в тюрьме.

В марте 1920 года Н. С. Арсеньев, не дожидаясь очередного ареста, нелегально переходит российско-польскую границу (до последующего ужесточения контроля эти пограничные зоны давали возможность выбраться из Советской России, спастись от подстерегавших там бедствий и опасностей). Он добирается до Восточной Пруссии и в итоге оказывается в Кёнигсберге.

Кёнигсберг

С ноября 1920 года Н. С. Арсеньев преподавал русскую литературу в Кёнигсбергском университете, получил здесь степень доктора философии и должность экстраординарного профессора. Одновременно с этим (с 1927 по 1937 год) был профессором по истории религий и Новому Завету на православном богословском факультете Варшавского университета, а также читал лекции в других европейских университетах. В каникулярное время весной 1921 года Н. С. Арсеньев читает два курса лекций («Древние религии и раннее христианство» и «История мистики») в Рижском университете. А когда в феврале 1923 года в Берлине был открыт Русский научно-исследовательский институт, каждые две недели он ездил туда, а также в Религиозно-философскую академию для чтения аналогичных лекций о религиях Античности и о раннем христианстве. С 1927 по 1937 год он состоял членом Экуменического движения (Всемирный союз христианских церквей) и участвовал в Лозаннской (1927) и Эдинбургской (1937) конференциях.

«Я жил, в общем, "на отлете" — в Восточной Пруссии, в Кёнигсберге...» — писал Н. С. Арсеньев в своей итоговой книге «Дары и встречи жизненного пути» [1, с. 189]. Эта «жизнь на отлете» не мешала ему, однако, принимать достаточно активное участие в жизни центров русской эмиграции (Парижа, Праги, Варшавы, Берлина, Лондона).

Долгие годы в эмиграции Н. С. Арсеньев чувствовал себя одиноким, и ему всегда было ясно (и прежде всего из личного опыта), что семья была и есть та живая сила, та «духовная колыбель, в которой родилось и выросло все, чем каждый из нас живет и дышит».

Дни были наполнены работой, заботами о заработке, а сердце — тревогой о родных, оставшихся в лагерях, и ностальгическими воспоминаниями о родине.

«...И это осталось в душе. Много лет спустя, уже на чужбине, когда я жил один, в северно-германском университетском городе, почти на городской окраине, помню, рано-рано утром, иногда на рассвете, слышал я смутно сквозь сон песни молодежи, уходящей в поля за город по дорожке, вившейся вдоль опушки городского лесочка. Но то, что я видел и ощущал в полусне, вместе с лившимися через широко открытое окно потоками света и утренней свежести, было куда лучше всех подгородных полей и лесочков — это было вроде сияющей сказки, но действительно пережитой мною в моей юности.

Я спал в своей постели. Мне ж казалось,
Что я лежу на трепетном лугу...

Вспомнились "пригретые полуденным солнцем" берега нашей луговой речки Дерновки, заросшей тростниками (приток нашего Неруча)... и сплелись с образами овидиевских богов:

В моих ушах звенит волшебный рог,
Что изредка, меж сонною листвою,
К своим устам подносит водный бог
С увитою цветами головою.

Один, в тени трепещущих осок,
Я здесь прилег меж кашкой луговой,
И тихий звук игривый ветерок
Приносит мне — и шевелит травую.

Я слушаю, а радостные сны
В лучах сияющих, что сходят с вышины,
Теснятся надо мной, невидимые взору.

И тихо все: лишь ветер нежит слух
И в тишине полей стремится вольный дух
К безмолвным небесам и вечному простору» [Там же, с. 24].

Заметим, кстати, что Муза сопровождала Н. С. Арсеньева на протяжении всей его долгой жизни. Самое раннее его стихотворение датировано 1904 годом, самое позднее — 1974-м. Он автор нескольких сборников стихов: «Безбрежное сияние» (Мюнхен, 1955; Нью-Йорк, 1956; Нью-Йорк, 1972); «Девять стихотворений» (Нью-Йорк, 1974); «Отблески» (Франкфурт-на-Майне, 1976); «Близкая даль» (Франкфурт-на-Майне, 1977). Некоторые его стихи положены на музыку. К сожалению, Н. С. Арсеньев не увидел опубликованным своего последнего сборника стихов «Прорывы»: первые экземпляры пришли почтой из Европы в Америку уже после кончины автора.

С 1923 года Н. С. Арсеньев принимает активное участие в работе Русского научно-исследовательского института и Религиозно-философской академии в Берлине. «Особенно близкий контакт, — вспоминает он, — был у меня с русской эмиграцией в Париже, где я жил у близких и дорогих мне друзей, участвовал в ряде съездов русской христианской студенческой молодежи и читал ряд лекций — на русском Монпарнасе, в Сергиевской академии — в самом начале ее основания, и т. д.» [Там же, с. 190].

В Кёнигсберге Н. С. Арсеньев читает курсы лекций «Восточная и западноевропейская мистика» (*Die orientalische und abendlandische Mystik*), «Религиозные течения в русской литературе» (*Die religiösen Stromungen in der russischen Literatur*), «Дух русской церкви» (*Der Geist der russischen Kirche*). Он опубликовал ряд работ, относящихся к этой области, на русском, английском, немецком и французском языках.

«...Кроме того, я много ездил читать лекции в Англию (между 1927 и 1936 годом 20 раз) и в Швейцарию (Лозанну, Женеву, Монтрё, Берн, Базель, Цюрих) и в ряд университетских городов Средней и Южной Германии, а также Восточной Франции (Гренобль, Страсбург)...

Такова внешняя схема этих годов моей жизни, когда я был долгое время совсем один — несколько близких мне и любимых мной русских семей были мне как бы второй семьей. Через многочисленных членов этих семей я особенно близко влился в жизнь русской эмиграции в Париже и переживал ее основные проблемы и задачи. Мне ясно — и из личного опыта: в первую очередь, говоря о значении русской эмиграции, нужно думать о русской семейной — религиозной и культурной — традиции и ее роли в русской эмиграции (и для России вообще)» [Там же, с. 191].

Не приходится удивляться неутомимой деятельности Н. С. Арсеньева, связанной с чтением лекций в различных городах Европы, публичными выступлениями и участием в разных гонорарных изданиях: помимо всего прочего это было связано и с необходимостью оказать помощь оставшимся в России членам семьи и родственникам, а также собрать необходимую сумму, которая требовалась для оплаты выездных виз из СССР (в начале 1930-х годов это еще было возможно — в то время существовала и такая форма эмиграции).

Об этом свидетельствует и письмо, датированное 11.09.1924 года и адресованное профессору М. Здзеховскому: «...как Вы думаете, были ли бы шансы напечатать по-польски мою книжку: "Ostkirche und Mystik"? Меня это оттого особенно интересует, что если бы была такая возможность и нашелся бы издатель, то я смог бы получить за это некоторый гонорар (я условился относит[ельно] этого со своим немец-

ким издателем); а я ищу теперь всякую возможность что-ниб[удь] заработать своим литературным трудом для посылки моей матери и моим сестрам в Россию, ибо они в очень, очень тяжелом материальном положении (нет топлива на зиму!). С глубоким уважением искренно преданный Вам Николай Арсеньев» [2, с. 348].

Мариан Здзеховский — известный польский писатель. Родился в 1861 году в Минской губернии; высшее образование получил в Петербургском, Дерптском и Краковском университетах. В 1921—1922 годах был деканом гуманитарного отделения, в 1925—1927 — ректором Виленского университета. Подобно знаменитому поборнику культурно-гражданского сближения поляков и русских Адаму Мицкевичу, он познал Россию изнутри. Сам М. Здзеховский причислял себя к поклонникам Соловьева и Толстого. Славянофил в идеальном понимании этого слова, Здзеховский много сделал для ознакомления польского общества с литературной, культурной и политической жизнью славянских народов. Многие его труды появлялись одновременно на польском и на русском языках. Поддерживал тесные контакты с русскими общественными деятелями, журналистами, литераторами. Умер в 1938 году.

Воссоединение семьи

«Позднее, — вспоминает Н. С. Арсеньев, — после возвращения моих родителей в 1916 году в Россию (как уже было сказано выше, его отец находился на дипломатической службе за рубежом. — А. Л.), в эпоху величайших испытаний, пришедших во время большевистского террора и беспрестанного гнета, голода, арестов и ссылок, — моя мать некоторое время сидела вместе с моим отцом в большевистской тюрьме и там поддерживала его духовно» [1, с. 79]. После смерти мужа в 1922 году она добровольно отправилась в Архангельск вслед за своими двумя младшими дочерьми, сосланными на Соловки, где пробыла 8 лет, вплоть до их освобождения.

В 1933 году семье Н. С. Арсеньева благодаря помощи правительства Великобритании (сестра матери кн. Лобанова-Ростовская — леди Эджертон — была вдовой великобританского посла в Риме и имела много связей в Англии) и за большой денежный выкуп удалось выехать в Кёнигсберг.

Так в доме на Regentenstrasse, 3 появились новые (постоянные и временные) жильцы:

- мать Н. С. Арсеньева *Екатерина Васильевна*;
- старшая сестра Н. С. Арсеньева *Наталья Сергеевна* (по характеристике близких и родственников — сердобольная, милая, скромная и деликатная);

– ее сын, *Сергей Балув* («симпатичный, открытый и доброжелательный парень» [7, с. 83], поступивший на медицинский факультет университета);

– *старший брат Василий Сергеевич Арсеньев* (известный генеалог);

– его жена *Ольга* (урожденная Нарышкина);

– ее сын *Алексей Нарышкин*;

– *сестра Вера*, впоследствии жившая в Берлине;

– ее муж *Евгений Гагарин*;

– *сестра Анна*.

Вскоре в Кёнигсберг из Парижа приезжает и *младший брат Юрий Сергеевич*, эмигрировавший из России в последние годы гражданской войны (в дальнейшем он устроится на работу техническим секретарем в японском консульстве в Кёнигсберге. По воспоминаниям А. Трубецкого, это «симпатичный, простецкий человек...», «в одном из первых разговоров он, показывая свою несколько изуродованную руку, сказал, улыбаясь: "Это меня красные курсанты под Псковом"» [Там же]).

Продолжение следует.

Список литературы

1. *Арсеньев Н. С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-н/М, 1974.
2. *Балтийский архив.* Русская культура в Прибалтике. IX. Вильнюс, 2005.
3. *Зайцев Б.* Давнее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 61.
4. *Зайцев Б.* Улица Святого Николая. Повести и рассказы. М., 1989.
5. *К выходу «Новой философской энциклопедии»* // Вопросы философии. 2003. № 4.
6. *Обсуждение «Новой философской энциклопедии»* (материалы заочного «круглого стола») // Вопросы философии. 2003. № 1.
7. *Трубецкой А. В.* Пути неисповедимы (воспоминания 1939–1955 гг.). М., 1997.
8. *Франк С. Л.* Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное. М., 2001.